

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П32

Серия «Fantasy-world»

Выпуск 32

Оформление обложки *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Пивко, Александр Владимирович

П32 Последний из рода Корто: роман / Александр Пивко. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. (Fantasy-world).

ISBN 978-5-17-117043-1

Короткий, насквозь лживый приговор верховного судьи... И род Корто уничтожен — титула нет, глава казнен, земли и деньги отобраны, единственный наследник, юный маг Кассиус — смертник в печально известной Белой Крепости. Там, в выжженной солнцем степи, люди собственными жизнями защищают империю от орд чудовищ. Но... надежда умирает последней, верно?

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-117043-1

© Александр Пивко, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Зал Императорского суда

Мириады свечей со всех сторон заливают помещение светом без теней. Во главе стола, как и записано в Золотой Книге Традиций, император. Четверо судей листают свитки дел подсудимых, делая пометки и поминутно подзывая судебного архивариуса для уточнения непонятных моментов. А еще тихо, но активно совещаются, утрясая спорные моменты. Все-таки Императорский суд собирается лишь раз в год, и потому нужно многое успеть. Но император поддерживает столетнюю традицию лишь для виду. Анитил III Милостивый интересуется лишь развлечениями. Пирь, балы, приемы и пышные церемонии — тут правителю нет равных. А суд, по мнению императора, скучнейшее занятие. Вчитываться в сухие и нудные строки служащих суда, запоминать неинтересные подробности, соотносить показания разных людей... Скучно, нудно и еще раз скучно! И потому Анитил III вместо изучения обвинений, доказательств и доносов разглядывает карту своих владений. Этот искусный барельеф занимает половину стены справа от судей. Дымчатый кварц — Тогра — торговый город на побережье. Полудрагоценный камень означал, что предки императора ценили город, приносящий солидную прибыль в казну. Взгляд скользит левее и ниже — тут фиолетовый турмалин. Шатори — древний, но небольшой город-винодельня, поставляющий лучшие сорта на импера-

торский стол и в погребу аристократов, а также тех, кто может позволить выпить бутылку вина за полсотни золотых. На юго-востоке, совсем рядом с предгорьем, сапфир бросает синеватые лучи на стену — так традиционно обозначают на картах старую столицу — Униген, город тысячи дворцов. Столько дворцов на самом деле там не наберется, но это — родина большей части аристократии, собственными мечами создавшей империю. Разглядывать карту император может часами. Разноцветные полудрагоценные и драгоценные камни лишь подчеркивают красоту созданного. И лишь в одном месте карта не ласкает взор Анитила III — на северо-западе, у самого края карты, находится мутный, необработанный белесый кусок горного хрусталя с включениями черного камня. Белая Крепость, место, где непрерывно гибнут люди...

Постепенно все необходимые документы были изучены и помечены. Судьи затихли.

— Ваше императорское величество, светило достигло полудня. Прикажете начинать? — обратился к нему один из судей, Гай из рода Деодоро. Мужественное лицо, изящные усы, аккуратная бородка и неизменная позолоченная курительная трубка в руках. А еще мерзкий характер, который он не стесняется демонстрировать окружающим, за редким исключением. Верный собутыльник императора. Собственно, благодаря этому он и занял кресло верховного судьи.

— Мы повелеваем приступать.

Три тихих слова правителя подняли целую бурю в доселе тихом зале. Молнией метнулся в боковой коридор до того беззвучно стоявший рядом слуга. Два ряда гвардейской стражи в блестящих доспехах, спра-

ва и слева от судейского стола, принялись скрипеть, возводя тугие арбалеты. Четверо магов придвинулись ближе к правителю, готовясь в случае опасности совершать невозможное. Безопасность императора превыше всего!

В полукруглых ложах с изящными каменными оградами встрепенулись скупающие аристократы. В зал Императорского суда они имели свободный доступ, для собственного развлечения. Так заведено было еще первыми императорами. Немногие пользовались этим правом, однако десяток-другой скупающих вельмож всегда присутствовал.

Дальний край помещения заполнялся доносчиками и свидетелями предстоящих дел, в сопровождении судебных служащих. Вместе с ними зал наполнился гулом — ведь почти каждый считал долгом шепнуть пару слов соседу... Громкий стук деревянного судейского молотка — и внезапно воцарившуюся тишину можно практически пощупать.

Скрип тяжелой парадной двери. В зал вводят первых обвиняемых. Двое мужчин. Один лет под шестьдесят, крепкий, с благородной сединой. Второй еще совсем юноша, явно недавно сбритый первый раз усы. Высокий, стройный, кареглазый, темноволосый, с тонкой темной полосой родимого пятна на шее. У обоих дорогие, хоть и простого кроя одежды, гордая осанка. Длинные волосы, стянутые шелковыми лентами, — такую прическу носят практически все аристократы. Уверенный прямой взгляд, взгляд людей, не чувствующих за собой вины. И грубые кандалы на руках. Аристократ ты или бедняк, вход через парадную дверь будет или в кандалах, или в броне стражей-конвоиров. Третьего не дано.

Обвиняемые в гробовой тишине прошли ближе, остановившись за пятнадцать шагов до судей. А точнее, их остановили конвоиры, грубыми тычками в спины.

— Призываю пресветлую Фидес, богиню верности обещаниям и закону, чтобы она помогала вершить суд, — в унисон провозгласили все судьи. Ничего особенного эта фраза не означала — всего лишь овейный давними традициями набор звуков в определенном порядке. Светлые и темные боги и богини давным-давно не интересовались ни материальным миром, ни тем более каким-то судом. Но звучало внушительно, если, конечно, слышишь это впервые, а не в сотый раз.

— Дело Алессандро из рода Корто, — звучным, хорошо поставленным голосом объявил Гай. И скосил взгляд на сидящего рядом.

Его лысоватый коллега тут же подхватил:

— Алессандро обвиняется в подстрекательстве мятежа против богоравного потомка Завоевателя, щедро и мудрого правителя империи Кассили, Ани-тила III Милостивого...

В это же время старший обвиняемый не отрывал взгляда от верховного судьи. Но сам представитель рода Деодоро демонстративно-скучающе вертел в руках потухшую курительную трубку, разглядывая ее.

— ...Для свидетельства по делу вызывается староста деревни во владениях рода Корто.

Из толпы доносчиков и свидетелей выбрался пожилой мужчина простоватого вида, в мятой одежде. Слегка прихрамывая и вообще двигаясь очень осторожно, он мелкими шагами доковылял поближе. И уставился в пол.

— Лено, что с тобой? — не выдержал Алессандро.

Но староста ничего не ответил, лишь ссутулился.

— Итак, Лено, урожденный крестьянин, будучи патриотом нашей империи, дал показания, — невозмутимо продолжил лысоватый судья. — Что глава рода Корто неоднократно хулил нашего императора, заявляя, что Анитил III Милостивый отвратительный правитель. А однажды он даже сумел подслушать, что обвиняемый планирует покушение на правителя. Охваченный беспокойством за нашего императора, он лично приехал в столицу...

Изумление на лице Алессандро исчезло, в отличие от его сына. Корто-старший быстро справился с собой и вонзил пылающий ненавистью взгляд в Гая. Корто-младший краем глаза заметил поведение отца.

— Что это значит? — прошептал юноша.

— А это означает, сын мой, что нас решили изобразить бунтовщиками, — и не думая понижать голоса, ответил Алессандро. — И перед тобой сидит та тварь, которая виновна в этом — это Гай...

Сильный удар сзади прервал его на полуслове.

— Подсудимый, молчите! Вам слово не давали, — рыкнул верховный судья, отрываясь от любимой трубки. — Прошу вас, продолжайте, — кивнул он коллеге, зачитывавшему обращение старосты.

— Так вот, основываясь на показаниях старосты, мы опросили еще несколько жителей окрестных деревень. И Императорский суд с уверенностью может сказать, что Алессандро Корто виновен. Мы лишаем вас и ваших потомков титула и родовых владений. Вы приговариваетесь к казни. Ваш прямой наследник, Кассиус Корто, здесь присутствующий, приговаривается к десяти годам службы в Белой Крепости...

Гудящий гомон человеческих голосов затих. Резко, внезапно. Никогда еще Императорский суд таких приговоров не выносил. Крупные штрафы? Запрет на посещение торжественных мероприятий? Ссылка на далекие острова виновных в кровавом мятеже? Пожизненное содержание в закрытом горном храме? Все это бывало, и не раз. Но казнь аристократа, с одновременным лишением титула и привилегий всех его потомков — вот такого еще не было никогда. Одним приговором, по сути, уничтожался древний род аристократов. Корто осудили как простолюдина, чернь. Причем по смехотворным в судебном деле свидетельствам. Кто такие простолюдины, живущие в селах? По местным меркам — чуть больше, чем никто. Говорящие придатки лопаты, косы, сохи и молотка. У них нет права свидетельствовать против аристократа. Тем более против своего сюзерена — покровителя. То, что начиналось как фарс, неожиданно превратилось в трагедию. Присутствующие в зале простолюдины испуганно притихли. А люди знатного происхождения задумались. Только что на их глазах создан прецедент. Самые дальновидные ужаснулись — ведь то же самое можно сделать с каждым из сидящих здесь. Да, род Корто, скажем честно, последние триста лет захирел. Довольно скромные доходы, остался один потомок мужского рода. Небольшой замок, чуть превышающий размерами обычную усадьбу. Солидный земельный надел с парой сел. Оставшиеся в живых родственники — такие же мелкие дворяне. Однако в его фамильном древе более пятнадцати колен благородных предков. Судить и казнить, как обычно крестьянина, отобрав все у его потомка, чересчур жестоко. Возможно, это показательная жестокость со

стороны. Мол, смотрите — Анитил III, взошедший на престол всего три года назад, показывает зубы. Тогда это послание всей аристократии — что и на них при желании у императора найдется управа. Вот только с прозвищем «Милостивый» он теперь распрощает-ся. А может быть, что это сводит личные счета Гай Деодоро, одновременно убедив императора в пользе своих действий на благо государства.

— Согласно традиции, суд дает последнее слово осужденному преступнику. Воспользуйтесь им, чтобы покаяться за свои злодеяния.

— Ну что же, я воспользуюсь, — неожиданно спокойно ответил Алессандро. — Во-первых, я родился наследником рода Корто, баронетом. Стал бароном по праву наследия и крови. И никакой вшивый суд это не изменит. Как и для моего потомка, Кассиуса Корто. Запомните эти слова. Во-вторых, я хотел бы сказать вот еще что: в роду Корто всегда были провидцы. Но наибольшую силу мы получаем перед гибелью. Так что я могу сказать тебе, сын, — будь мужественным. Покажи ум и силу настоящего Корто! А вам, сидящим за судейским столом, я могу сказать иное. Вы все умрете. Гораздо быстрее, чем вам кажется. Моя смерть — это ключ к вашей гибели, и вы собственными руками выбрали судьбу, глупцы...

Глава I

Скрип и тряска укачивали и навевали сон. Несколько крытых шкурами повозок медленно тащились по бескрайнему полю. Чахлые, потемневшие от пыли растения. Жаркое светило, иссушающее все живое вокруг. Из животных — лишь ящерицы и мыши. Да и те показывались лишь тогда, когда спасались из-под узких колес телег.

— Не повезло вам, ребята. Ой как не повезло! — просвещал своих попутчиков возница одной из телег. Коренастый и широкий, загоревший дочерна мужик со смешно оттопыренными ушами. — Я ажно второй десяток лет вожу в крепость бедолаг, таких же, как и вы. Обратно еще никого не привез, хоть и срок службы тута десять лет. Стало быть, никто не дожил. Выживают только коменданты крепости, да и то через раз. Потому что служат всего один год. А вы все, почитай, уже мертвяки. Только еще живые.

— А сбежать? — подал голос один из пассажиров. Единственный, у кого были длинные волосы, стянутые засаленной шелковой лентой.

— Слушай, малец. Вот как тебя зовут?

— Кассиус, — мрачновато отозвался длинноволосый.

— Так вот, Кассиус, даже если бы ты жертвовал год, каждый день, по золотому в храм Спес, богини надежды, все равно ничего вышло бы. Та цацка в ухе, которая у всех вас болтается, — магическая. И я слы-

шал, что может голову снести, если вы не туда пойдете. Да и бежать-то тут некуда. Сам видишь — вокруг, считай, пустота. Пить нечего, пожрать ты тоже не найдешь. А ближайшее жилье — в неделе пути. По такой жаре, да без припасов — верная смерть. Слышал я, что у Вилли Одноглазого с телеги сбежал один в прошлом году, ночью, на стоянке.

— И что? — заинтересованно подался вперед Касиус. Остальные пассажиры продолжали молчать, но слушали внимательно.

— Да ничего. У нас-то припасы в чем? Вон две бочки. В одной — вода, во второй — пожрать. Если еду еще с собой утащить можно, сколько сможешь, то питье уже не в чем. А без воды тут проживешь недолго — пару дней, не больше. Токмо он и столько прожить не смог. У Одноглазого труба есть, увеличительная. Он с утра огляделся — и в ней увидал падальщиков крылатых. Труп они клевали, человеческий. Стало быть, сработала серьга.

И без того невеселые лица попутчиков посмурнели еще сильнее. Дальнейший путь в тот день продолжился в молчании. Хотя и раньше веселых разговоров в повозке не было слышно. Люди знали, что их ждет впереди. Ничего хорошего.

Вечером, в темноте, под непрерывный треск сверчков, темная и высокая фигура с длинными волосами тихо выбралась из палатки и проскользнула в окружающую мглу. Через несколько минут за ней последовала другая, коренастая и широкая. Буквально шагов через двадцать, там, где не видно было костра, второй настиг первого. Первый сидел неподвижно, скрестив ноги и ссутулившись, разглядывал землю под ногами. Впрочем, что там можно разглядеть во тьме? Ничего.

Второй покачал головой и устроился рядом, неловко подогнув ноги под себя.

— Я уж думал, паря, что ты сбежать решил. Думал, сглупить решил.

— Сглупить? — невесело хмыкнул юноша, выпрямляясь. — А как бы ты поступил на моем месте? Моего отца убили по навету врагов. Мать и младшую сестру наверняка выгнали на улицу, я даже не знаю, что с ними. Титул вычеркнули из списка аристократов империи, владения отобрали. Теперь по документам я простолюдин. Да я вырос на рассказах о героических деяниях предков! Со мной этикетом, каллиграфией, фехтованием и магией занимались с пяти лет! Кодекс аристократа, кодекс рода — это заветы, по которым я живу. А наш «милостивый», — тут от юноши просто осязаемо потянуло ненавистью, — император, тварь такая, отобрал все, что завещали предки. Отцу отрубили голову. Меня отправляют на верную смерть. А враг, который все это организовал, радуется жизни, заседая в Императорском суде. А как бы ты повел себя на моем месте?!

Мужчина рядом даже отодвинулся, поворачивая безоружные руки ладонями к собеседнику:

— Эй, спокойно, я-то тут ни при чем. Не на того злишься.

Бывший опытный воин, ныне исполняющий роль возницы осужденных, неспроста попытался успокоить собеседника. То, что рассказал о себе юноша, заставило максимально мягко общаться с ним. Аристократы, посвящающие себя воинской службе, действительно тренировались с детства. По достижению совершеннолетия многие могли пройти по умениям в элитные воинские подразделения империи.

А маги — это вообще отдельный разговор! Все чародеи начинают с усиления себя и ускорения собственной реакции. Это значит, что сидящий рядом стройный юноша вполне может перебить всех. И поехать дальше один. Куда посчитает нужным.

— Да я и не на тебя злюсь. Не дурак же я, в самом деле, кидаться на первого попавшегося человека, как бешеная собака. На ситуацию злюсь, на врагов. Потому что изменить ничего не могу. И просто не знаю, что делать...

— Я бы подождал. Жисть, она штука непредсказуемая. А вдруг, со временем, что-то изменится? Всяко бывает...

— Ежели нет сил плыть против течения, позволь ему нести себя. Течение изменчиво и завтра само вынесет туда, куда стремился ты вчера. Зуан-Хинь, «Трактат о жизни», — тихо прошептал себе под нос Кассиус.

— Успокаиваешь? — уже по-доброму усмехнулся парень. — Чтобы чокнутый маг не перебил всех вокруг? Да ладно, не переживай, все обычные люди так думают. Не зверь я, чтобы на других кидаться без причины. Тем более что вы тут ни при чем. Иди, отдыхай. Я-то завтра по пути отосплюсь, а тебе повозкой рулить весь день. Не переживай, сбегать не буду.

Возница с кряхтением поднялся, шумно вздохнул, махнул рукой.

— Эх, и рад бы тебе что-то подсказать, но... Парень умный, вижу, сам разберешься.

Проводив взглядом собеседника, юноша поднял глаза на звезды.

— И что мне делать? Как поступить? Молчите? Или, может, тоже не знаете? И я не знаю...